
БИОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЖАНРОВ

А.Н. Поляков

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Автор рассматривает проблему соотношения исторического и биографического жанров, сопоставляя высказывания по данному вопросу историков, биографов и философов, и ставит вопрос: что имеет в виду Плутарх, заявляя: «Мы пишем не историю, а жизнеописания»?

Ключевые слова: история, биография, автобиография, жанр, жанровый критерий.

Едва ли у кого-либо возникнет подозрение относительно того, что, заявляя в предисловии к биографии Александра: «Мы пишем не историю, а жизнеописания», Плутарх не понимает, что имеет в виду; однако убежденность читателя в том, что он разделяет это понимание с биографом, может оказаться преждевременной. Взаимоотношения между историческим и биографическим жанром со времени Плутарха не стали более ясными: с каждой эпохой в результате увеличения как непосредственно корпуса исторических и биографических сочинений, так и объема теоретических высказываний по проблеме соотношения рассматриваемых жанров картина только усложнялась и становилась противоречивее. Точки зрения высказывающихся по данному вопросу не в последнюю очередь определяла их «цеховая» принадлежность: историки зачастую смотрели на биографию сверху вниз как на нечто недостаточно научно-состоятельное, а порой просто маргинальное; биографы нередко трактовали историю как грубое сырье для собственного творчества, признавая за ней значение гвоздя, на который биограф вешает свою картину.

Когда Карлейль утверждает, что история есть не что иное, как совокупность бесчисленного количества биографий (1), он под последними имеет в виду, разумеется, не жанрово оформленные сочинения: с его точки зрения «персоналиста», у истории нет, по сравнению с биографией, собственного предмета — различие между обеими, по Карлейлю, чисто количественное. Совершенно иначе думает Эд. Мейер, категорично заявляющий: «Писание биографий не является исторической деятельностью» (2). Тезис Мейера поспешили опровергнуть Л. Стрэчи, А. Моруа, Э. Людвиг и другие «практикующие» биографы, однако Б. Кроче презрительно окрестил последнего «Гвидо да Верона историографии» (3), а Р. Колингвуд торжественно объявил принципы, на которых строится биография, сколько бы исторического материала она ни содержала, не только не историческими, но даже антиисторическими (4), что, в свою очередь, не помешало спустя девять лет А. Момильяно уверенно констатировать: «Сегодня, по-видимому, никто не сомневается, что биография — вид истории» (5).

И.Г. Дройзен стремился разграничить сферы действия обоих жанров, или, что то же самое, ограничить сферу компетенции биографии в зависимости от «истори-

ческого веса» героя, стоящего в центре повествования: если фигуры типа Алкивиада, Цезаре Борджа и Мирабо — чистой воды персонажи биографии, то Цезарь или Фридрих Великий принадлежат истории (6), и писать биографии о них бессмысленно, тем более биографии плутарховского типа, которые ученый признает ограниченными именно из-за отказа биографа рассказывать о великих событиях, в то время как “*grosse Männer in ihren grossen Taten charakterisiert sind*” (7).

Подобного рода констатации, разумеется, тут же порождают вопрос о принципе устройства исторических весов для взвешивания героев. Экцентричность Алкивиада очевидна (8), однако она не позволяет недооценивать его немалую роль в развитии событий заключительного этапа Пелопоннесской войны — если и исключить самого Плутарха как свидетеля небеспристрастного, немало подтверждений этому можно обнаружить и у Фукидида, и у Ксенофонта. То же применительно к начальному этапу Великой французской революции можно сказать о Мирабо; не стоит недооценивать и исторического значения деятельности Борджа, вдохновившего Макиавелли на создание его самого известного произведения.

Теоретики биографического жанра единодушны не больше историков; так, Джону Пэррети, определяющего биографию как «историю человеческой жизни» (“*history of a human life*”) (9), возражает П. Кендалл, считающий данное определение «туманным и воодящим в заблуждение» (10), равно как и другое предлагаемое определение — “*the record of life*” — на том основании, что запись фактов не есть биография; отвергая еще одно из возможных определений биографии — “*story of man’s life*” — на основании фиктивности, подразумеваемой первым словом, Кендалл предлагает собственное: «словесное воспроизведение жизни человека на основании всего того, что о нем известно» (*the simulation, in words, of a man’s life, from all that is known about the man*), отмечая, что фиктивной биографии не хватает правды, а учено-компилятивной — искусства, «истинная» же биография находится между обоими полюсами (11). Однако ни это справедливое в целом замечание, ни многие другие тонкие суждения, которыми богата упомянутая книга, не помогут нам сориентировать биографию *относительно истории*, нащупать разделяющую оба жанра грань.

Выделив два типа биографии: биографию-реконструкцию и биографию, создаваемую современником героя (12) (которую, к слову, Вольтер считал единственно возможной, объявляя первую «порядочным шарлатанством» (13)), подняв проблему поляризации биографии в зависимости от распределения внимания ее автора между героем с его внутренним миром и окружающей героя средой на «психографию» в духе Г. Бредфорда и пресловутые “*Life and Times*” типа «Джорджа Вашингтона» Д. Фримена (14) и, наконец, включив в рассмотрение данного круга проблем также автобиографию (на основании общих черт, объединяющих в глазах исследователей этот жанр (15) с биографией, написанной современником героя (16)), ученые существенно усложнили картину, в которую не вносят ясность и попытки рассмотреть взаимоотношения истории и биографии в диахроническом аспекте: если для Гэррети динамика процесса заключается в возникновении обособления, автономизации и осознании собственных задач биографией (17), то Момильяно с удовлетворением констатирует обратное, утверждая,

что с XVI в. биография рассматривается в качестве узаконенной формы историографии (18).

Попытку внести ясность во взаимоотношения двух лагерей, предпринятую достаточно рано из третьего, философского, трудно считать успешной: классификация жанров, сделанная в 1605 г. Ф. Бэконом, в которой критерием становится объект изображения, более стройна, чем функциональна: a time является объектом chronicles, a person — lives (19), an action — narrations or relations. Представить себе рассказ об эпохе, лишенной лиц и событий, не менее сложно, чем рассказ о герое без описания его поступков и современной ему эпохи; кроме того, именно в отношении текстов Плутарха, персонажи которого почти всегда — герои большой истории, данная схема особенно неработоспособна. Нельзя не заметить также, что стремление превратить в жанровый критерий предмет изображения («что?») вместо приемов этого изображения («как?»), хотя и оправданное во многих случаях бытования литературы (особенно на архаических ее стадиях), тем не менее не способствует ясности возникающей в результате картины (20).

Думается, первое, что необходимо сделать желающему высказаться и о биографии вообще, и об античной (и тем более — о плутарховской) биографии, — решительно исключить из рассматриваемой проблематики автобиографию. Чрезвычайно показательным является тот факт, что, пытаясь объединить рассуждение об обоих жанрах в одном исследовании, будь то небольшой доклад (Хубач) или целая монография (Момильяно), исследователь неизбежно становится жертвой своеобразного закона хронологической несовместимости (вызванной как раз несовместимостью жанровой), перебегая в ходе исследования от одного жанра к другому. Поэтому, какой бы ни была оценка капитального труда Г. Миша (21), ученый несомненно прав, рассматривая жанр автономно (22). На фундаментальные отличия биографии от автобиографии указывал и Гэррети, подчеркивая принципиальную разницу в методах той и другой: биография — результат реконструкции, автобиография — результат воспоминаний (23), хранящая же эти воспоминания и оперирующая ими человеческая память является — не всегда осознанно — настолько творчески самостоятельной силой (24), что это позволило исследователю английской автобиографии В. Шумейкеру утверждать, что биография и автобиография приблизительно так же далеки друг от друга, как история и роман (25). Может быть, лучшее сопоставление обоих жанров при всей его стремящейся к афористичности краткости можно найти у Кендалла (26), указывающего не только на принципиальную несхожесть биографии и автобиографии, но и — весьма пронищательно — на основную антиномию последней (27).

Второе, что делать столь же необходимо, — поверять античным материалом все слишком глобальные высказывания исследователей, неизбежно ведущие к сдвигающей ориентиры модернизации (28), которая позволяет, например, Эд. Мейеру ставить знак равенства между Плутархом и Непотом (29), вызывая справедливую иронию Ф. Фроста (30). Выработанные современностью критерии и дефиниции часто представляют собой неподходящий инструментарий для работы с античным наследием. Если мы попробуем обратиться, допустим, к одному из определений истории в XX в.: «История — наука о человеке во времени»

(М. Блок), то, действительно, Плутарх не будет являться историком в свете данной формулировки, однако в еще меньшей степени окажутся историками Геродот и Фукидид. Точно так же едва ли корректно рассуждал Р. Фолькман, заявляя о неправомерности отношения к плутарховским биографиям как к историческим сочинениям «с современной, научной точки зрения» (31). Зададимся вопросом: что останется от античной историографии, жанра «в высшей степени риторического» (32), если мы попытаемся рассмотреть дошедшие до нас сочинения “vom modernen, wissenschaftlichen Standpunkte aus”? И чего стоят вообще все разговоры об «исторической биографии» применительно к Плутарху, для которого данная формулировка есть *contradictio in adiecto*!

Осознавая и декларируя различия между историей и биографией, Плутарх отнюдь не является новатором: подобное различие задолго до него подчеркивалось представителями как одного (Полибий, X,24), так и другого (К. Непот. Пелопид, I) жанра, и попытки проигнорировать этот типичный для античности взгляд несостоятельны. Попытки эти, тем не менее, предпринимались и продолжают предприниматься (Хирцель, Барбу, Джанакарис и др.), однако их рассмотрение выходит за рамки настоящей статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Цит. по: *J. Garraty. The Nature of Biography*, p. 5.
- (2) *Ed. Meyer. Kleine Schriften*, S. 66.
- (3) *B. Croce. Storia della storiografia...*, II, p. 282.
- (4) *R. Collingwood. The Idea of History*, p. 304.
- (5) *A. Momigliano. The Development...*, p. 6.
- (6) *I.G. Droysen. Historik*, S. 292.
- (7) *I.G. Droysen. Geschichte des Hellenismus*, I, S. 676.
- (8) См. пассаж о «блудных детях полисной демократии» — *А.Н. Поляков. Из истории становления биографии: жанр в поисках героя*.
- (9) *J. Garraty*, op. cit., p. 3.
- (10) *P. Kendall. The Art of Biography*, p. 14. Следует, впрочем, отметить, что вывод о том, что на этом основании биография является ветвью истории, все же скорее приписывается Кендаллом критикуемому исследователю.
- (11) *Ibidem*, pp. 14—15.
- (12) Данную классификацию Кендалл считает актуальной и для античности — см. *P. Kendall*, op. cit., pp. 40—41.
- (13) *J. Garraty*, op. cit., p. 25.
- (14) *J. Garraty*, op. cit., p. 4.
- (15) Уместно будет отметить, что понятие «жанр» применительно к автобиографии в античности должно употребляться со значительной степенью условности. С.С. Аверинцев в беседах с автором этих строк шел дальше и заявлял о неприменимости этого понятия к автобиографии вообще.
- (16) См., например, *J. Garraty*, op. cit., p. 26.
- (17) Ученый ссылается на исследователя ранней английской биографии Стоффера (Stauffer), обнаруживающего такое различие впервые у Дж. Хейворда в его “*Life and Raigne of King Henrie IV*” — см. *J. Garraty*, op. cit., pp. 68—69.
- (18) *A. Momigliano*, op. cit., p. 2, где исследователь ссылается на Ж. Бодена (1566), А. Маскарди (1636) и аббата де Мабли (1784).

- (19) До введения в обиход английского языка слова *biography* Дж. Драйденом оставалось тогда 78 лет.
- (20) Ср.: «...главная причина смешения и неясного различения отдельных жанров в древнерусской литературе состояла в том, что основой для выделения жанра, наряду с другими признаками, служили не литературные особенности изложения, а самый предмет, тема, которой было посвящено произведение» Д.С. Лихачев. *Поэтика древнерусской литературы*, с. 58.
- (21) Например, Момильяно считает, что история автобиографии как «истории человеческого самосознания» (тезис самого Миша) заканчивается у последнего там, где должна была начаться (критик имеет в виду «Исповедь» Августина) — А. Momigliano, *op. cit.*, p. 18. См. также замечания о методологии Г. Миша — Я.Н. Любарский. Михаил Пселл, с. 128.
- (22) Впрочем, в центре внимания ученого находится по очевидным причинам (см. выше прим. 15) не столько *Autobiographie*, сколько *das Autobiographische*.
- (23) *J. Garraty*, *op. cit.*, p. 26.
- (24) Выразительным примером своего рода «межжанровой полемики» являются несколько пассажей в биографии Нелли Мельбы Джона Хетрингтона (*J. Hethrington. Melba. L., a.o.*), в которой он саркастически критикует многие страницы автобиографии певицы (*Nellie Melba. Melodies and Memories. L., 1926*), уличая последнюю в воссоздании действительности «по законам оперного либретто».
- (25) *W. Shumaker*, *English autobiography*, pp. 33—34.
- (26) *P. Kendall*, *op. cit.*, p. 29ff.
- (27) Исследователь выразительно сталкивает цитаты из Гиббона и Коули — *op. cit.*, p. 31; см. также А. Momigliano. *op. cit.*, p. 57—62.
- (28) С.С. Аверинцев прав, видя в тяготении к подобной модернизации одну из особенностей англосаксонского литературоведения — Плутарх и античная биография; думается, впрочем, что подобная особенность в значительной степени провоцируется богатейшей биографической традицией англоязычной литературы, являющейся основным объектом изучения данного литературоведения и несомненно влияющей на методологию последнего.
- (29) *Ed. Meyer. Forschungen zur alten Geschichte*, II, S. 67.
- (30) См. *F.J. Frost. Plutarch's Themistocles*, pp. 42—43, где исследователь видит в заблуждении Мейера основное противоречие между «классицизмом» и «историзмом» (Фрост пародирует терминологизирование критикуемого исследователя); см. также о Мейере p. 52, а также остроумный пример с «классицистом» Нового времени Гилбертом Мурреем — p. 43.
- (31) *R. Volkman. Leben und Schriften...*, Bd. 2, S. 228.
- (32) “opus...oratorium maxime” (*Cicero. De legibus. I.2.5*).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография. — М., 1973. [*Averinzev S.S. Plutarch i antichnaya biographia. — M., 1973.*]
- [2] Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. — М., 1979. [*Lihachev D.S. Poetika drevnerusskoy literaturi. 3 izd. — M., 1979.*]
- [3] Любарский Я.Н. Михаил Пселл. Личность и творчество. — М., 1978. [*Liubarski Ya.N. Michail Psell. Lichnost i tvorchestvo. — M., 1978.*]
- [4] Поляков А.Н. Биография: теория или история? // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика». — 1999. — № 4. — С. 5—9. [*Polyakov A.N. Biographia: teoria ili istoriya? // Vestnik RUDN. Seria «Literaturovedeniye. Jurnalistica». — 1999. — № 4. — S. 5—9.*]
- [5] Поляков А.Н. Из истории становления биографии: жанр в поисках героя // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение. Журналистика». — 2002. — С. 5—8. [*Polyakov A.N. Iz istorii*

- stanovleniya biographii: janr v poiskach geroya // Vestnik RUDN. Seria «Literaturovedeniye. Jurnalistica». — 2002. — S. 5—8.]
- [6] *Barbu N.-I.* Les procédés de la peinture des caractères et la vérité historique dans les biographies de Plutarque. — P., 1934.
- [7] *Collingwood R.* The Idea of Historia. — NY, 1956.
- [8] *Croce B.* Storia della storiografia italiana nel secolo XIX. 2 vol. Bari, 1921.
- [9] *Droysen I.G.* Geschichte des Hellenismus. 2. Aufl. 3 Bde. Gotha, 1877—1878.
- [10] *Droysen I.G.* Historik. Vorlesungen über Enzyklopädie und Methodologie der Geschichte. 2. Aufl. München, 1943.
- [11] *Frost F.J.* Plutarch's Themistocles. A historical commentary. — Princeton, 1980.
- [12] *Garraty J.* The Nature of Biography. — NY, 1957.
- [13] *Gianakaris C.J.* Plutarch. — NY, 1970.
- [14] *Hethrington J.* Melba. L., a.o.
- [15] *Hirzel R.* Plutarch. — Lpz., 1912.
- [16] *Hubatsch W.* Biographie und Autobiographie — das Problem von Quelle und Darstellung // XIII. Internationaler Congress der Historischen Wissenschaften. Moskau, 1970, S. 1—13 der letzten Pagnation
- [17] *Kendall P.* The Art of Biography. — NY, 1965.
- [18] *Meyer Ed.* Forschungen zur alten Geschichte. 2 Bde. Halle, 1892—1899.
- [19] *Meyer Ed.* Kleine Schriften zur Geschichtstheorie und zur wissenschaftlichen und politischen Geschichte des Altertums. — Halle, 1910.
- [20] *Misch G.* Geschichte der Autobiographie. 4 Bde. — Bern; Frankfurt am Mein, 1946—1969.
- [21] *Momigliano A.* The Development of Greek Biography. — Cambridge (Mass.), 1971.
- [22] *Shumaker W.* English Autobiography. Its Emergence, Materials and Form. — Berkeley; Los Angeles, 1954.
- [23] *Volkman R.* Leben und Schriften des Plutarch von Chaeronea. 2 Bde. — Lpz, 1970.

BIOGRAPHY AND HISTORY: THE PROBLEM OF CORRELATION AND BALANCE

A.N. Polyakov

Russian University of Peoples' Friendship
Maclay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article examines the problem of the correlation between historic and biographic genres by contrasting what historians, biographers, and philosophers have said on the matter. In doing so, the article raises the question: What does Plutarch mean when he states: “We do not write history, but life histories”?

Key words: history, biography, autobiography, genre, genre criterion.